

КРОВЬ И СОУС

повесть из романа "Ожившие по ошибке"

Ара Богданян
Кровь и Соус

«Автор»

2026

Богданян А.

Кровь и Соус / А. Богданян — «Автор», 2026

Всё началось в школьном буфете. Соус, кровь, пожарная тревога и Скелеты, которые внезапно остались одни. Иногда именно из полного хаоса рождаются самые странные истории. ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА: Повесть не является самостоятельным произведением, а является частью романа "Ожившие по ошибке".

© Богданян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Короткая Повесть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Кровь и Соус

Короткая Повесть

Пожарная сирена взревела в школе имени Пушкина, и по всей школе началась суматоха. - Ложна Тревога! Ложная Тревога. – уже летел на первом этаже голос Екатерины Гусевой.

Она пыталась утихомирить бурлящий поток учеников, которые толкались в коридорах то ли от страха, то ли от веселья. Вся растерянная, еле удерживающая равновесие посреди задевающих её подростков, Гусева не знала, в какую сторону броситься и на что реагировать – на Вову, который мучительно схватился за лицо неподалёку от неё, или на старшеклассников, которые будто одновременно и испугались и обрадовались внезапной громкой пожарной сирене. Вова Савельев же стоял посреди суматохи, медленно отпуская ладони с лица. В следующий момент Гусева заметила кровь на лице Вовы. Борис Макаров оказался рядом, и тут же подбежал к Вове, схватил за руки.

- Черепаха блиин. – сжимал зубы Вова и придержал нос. – разобью её.

Секунду назад Черепаха-Скелет взлетела и врезалась своим костяным панцирем прямо ему в лицо. Чудом нос Вовы не сломался, но с двумя своими зубами он точно распрощался.

- Так, Борис, води Вову в медпункт, быстро. – крикнула Гусева.

Кровь из носа уже сочилась на пол, голова страшно кружилась. Придерживая крупного друга, худой Борис тут же попытался потащить его в медпункт, пока тот ругался матом себе под нос.

Сам Вова выбежал недавно из буфета. Ещё недавно он сидел там, со стаканом компотом в руке, который так и не поднёс к губам, и не переставал смотреть на свой рисунок, созданный тогда на скамейке возле школы; и всматриваясь на эту живую, настоящую Юлию, нарисованную так детально, Вова поражался, - «он ли это нарисовал?». Откинувшись на спинку стула, он не просто глядел на рисунок, а ощущал его кожей, пока вместе с тем, буфет вокруг ощущался для него картонным домиком с заведёнными куклами. И чем больше он осознавал, насколько реальной получилась Юлия, тем сильнее его грудь начинала вибрировать, и будто начинал дуть странный, холодный воздух сзади на его шею; этот воздух будто подтверждал – «да, это ни твоя рука нарисовала, и это ни твоё воображение», - и Вова, продолжая чувствовать кожей, что не мог нарисовать такого сам, всё глубже погружался взглядом в черты лица Юлии. Но ещё внимательнее Вова всматривался в один небольшой дефект на рисунке: лишнюю линию в области подбородка Юлии. Эта лишняя линия была случайно оставлена Вовой тогда на скамейке, от лёгкого подёргивания руки в тот момент, когда прозвучал звонок на урок и резко выдернул его из того состояния.

И так, сидя в душном буфете и замерев со стаканом компота в одной руке, и листком бумаги в другой, он погружался в ту лишнюю линию на рисунке, на подбородке Юлии, пока наконец, в какой-то момент не поднял глаза на обшарпанную стену, когда волнения внутри заставили сделать сильный вдох. И в этот момент, взгляд Вовы словно начал проваливаться сквозь бетон. Тогда стена буфета начала плавно испаряться, а глаза Вовы постепенно излучать какую-то замороженность, всё больше и больше, пока не открылась перед ним ослепительная синева и быстро бегущие облака. В этот момент Вова физически ощутил, как оттуда, из видения, на него подул прохладный, живой ветер, - это было то самое дуновение, которое он ощущал шеей, глядя на рисунок; и теперь, сквозь этот вихрь неба и облаков, это дуновение ощущалось так, будто было соткано из самой влюблённости. Стакан с остывшим компотом выскользнул из ослабевшей руки. Буфет полностью исчез, а облака ещё быстрее закружились, сливаясь в долю секунды, и затем, проступило ЕЁ лицо, прямо из этого небесного вихря, -

лицо совершенно реальное и дышащее; это было то самое лицо на рисунке, - лицо Юлии. И лицо приближалось, плавно и нежно, и Вова вдохнул её дыхание так, словно вдохнул сам запах влюблённости. Грудь Вовы больше не вибрировала, а словно плавно заливалось и холодом, и теплом. Юлия смотрела прямо на него. Её губы, как и глаза, чуть улыбались, чуть сияли, и Вова медленно подался вперёд, навстречу, не отдавая себе отчёта. И тогда, в момент, когда лицо Юлии оказалось совсем близко, он заметил на её подбородке царапину. Сложно было удержать внимание на подбородке, когда были так близки её глаза, полные любви, но Вова сосредоточился и вгляделся, - это была та самая линия, которая и была на рисунке, и была в том же самом месте, как надрез на подбородке, как странный шрам. В последний момент Вова напрягся, чтобы лучше разглядеть эту царапину, но тут же вдруг загудели его уши, и тут же Юлия мгновенно исчезла вместе с синевой и облаками, и Вову швырнуло обратно в буфет. Моргнув и оглядевшись, Вова увидел, как подростки уже переворачивали буфет, а уши его загудели и от пожарной тревоги, и от Пельменя, который орал – «Вооов, ну чё ты застыл? Бежим! Аууу».

В первые секунды в буфет влетела одна из учительниц, что оказалась поблизости, и скомандовала: - Все во двор, быстрооо!

- Вооов, блин. – уже совсем замял край рубашки друга Пельмень.

Тогда Вова наконец зашевелился, хотя и толком не соображал, что делать, и только одна мысль запульсировала в его голове – «Где Юлия?», - и тогда глаза его расширились и начали метаться по сторонам. Он выбежал из буфета, даже не успев запихнуть рисунок в карман, но тут же остановился, в надежде найти в коридоре Юлию, а Пельмень уже помчался во двор. Несколько секунд глаза Вовы рыскали в коридоре, будто совсем позабыв о том, что Юлия – Скелет, - и искали ту самую живую девушку, что приблизилась к нему в облаках; но постоянно размывали ему зрение мелькающие головы подростков и их чёрные волосы, пролетающие мимо, пока вдруг одна из этих чёрных голов не превратилась в костяной панцирь, бахнув ему в челюсть. Тогда Вова уронил листок с рисунком, закрыв ладонями своё искажённое от резкой боли лицо.

Теперь весь кружащийся Вова придерживал нос, а кровь всё равно капала по всему этажу, и с помощью Бориса доходил до медпункта. Но перед тем, как зайти туда, и Борис и Вова на секундочку остановились и встали, как вкопанные, когда перед ними проскакала возбуждённая девочка с громкими возгласами:

- Это Юлияяя! Она нажала на кнопку. Это Юлия!

И девочка знала, о чём кричала, ведь она сама стала свидетельницей этого. Совсем недавно, когда большая часть подростков была скоплена в буфете, девочка проходила где-то в тихом углу коридора. Она ходила, чувствуя какую-то неестественную тишину, и это заставило её чуть замедлиться, и чуть внимательней смотреть по сторонам. Тогда она заметила Юлию. Чёрная металлическая фигура стояла у стены, чуть в тени. Девочка застыла на месте, заметив чёрный металлический палец на пожарной кнопке. Глаза девочки расширились при виде уже откинутой крышки; голова говорила ей – «это просто кнопка, какая-то сигнализация будет, если нажать», - а лёгкая дрожь в теле говорила ей, - «если этот чёрный палец сильно нажмёт туда, я сгорю». На секунду девочка перестала чувствовать себя в коридоре, - слишком большими стали чёрный палец Юлии и чёрная кнопка на стене; соприкасались две черноты, и видя это так крупно, девочка заметила, что Юлия будто слегка скользит по поверхности кнопки, словно чуть лаская там перед заветным нажатием. Юлия стояла, замерев и лаская пожарную кнопку также, как и некогда стояла и ласкала кнопку в лаборатории, - тогда она ласкала кнопку, предназначенную для отключения её самой, и стоя там, мечтала об этом, зная о невозможности этого. Теперь же она ласкала другую кнопку, мечтая о том, чтобы – сжечь. От её желания, в воздухе вокруг Юлии, казалось, физически всё сильнее ощущался тяжёлый, удушливый зной, словно от раскалённой печи, и из пустых глазниц безмолвно изрыгалась слепая, яростная

жажда - сжечь этот коридор, эти парты, эти стены, и самое главное: всех этих дураков. В её заклинившем сознании этот жест уже запускал очистительное, ревущее пламя, и она думала о том, как школьные стены покроются весёлой копотью, как пламя слижет побелку, а кричащие от ужаса подростки в буфете начнут задыхаться, плавиться и чернеть, обретая её собственную безупречную форму. Она хотела, чтобы с ними произошло тоже, что произошло с ней в торговом центре, и представляя это в деталях, и видя тот весёлый гудящий костёр, она совсем позабыла и о Гусевой, и о Борисе, и о Ксюше; она тихо смаковала это так остро, что от её неподвижной металлической фигуры веяло такой концентрированной, сухой злобой, что девочке на мгновение показалось, будто в горле запершил фантомный дым. И тогда, сглотнув подступивший к горлу ком, девочка сделала осторожный шаг назад и тихо, срывающимся голосом спросила: – Ты чё делаешь?.. Пожара же нет.

И медленно повернулся к ней чёрный металлический череп Юлии, и хлынула ненависть из её дырок на костях и из глубин её пустых глазниц, и замерла в страшном подобии хищной, застывшей улыбки её обугленная челюсть. И эта челюсть произнесла:

– Будет... Будет!

И глухо, скрежещущим эхом отозвался её голос.

Девочка резко вздрогнула всем телом, а ноги словно приросли к полу, и повеяло от неё ледяным страхом.

Уловив эту вспышку паники, Юлия тихо, довольно рассмеялась, и девочке послышался не смех, а какой-то треск ломающихся на огне углей. Она тут же удрала ноги, уже поверив в то, что будет огонь.

– Идиотка, – выплюнула Юлия с явным наслаждением, и посмеялась ещё чуть-чуть, опустив череп, а затем подняла глазницы и с силой вдавила кнопку в стену.

По школе завывала сирена, а Юлия быстро побежала куда подальше, и даже не представляя себе, как Вова в это время, сидя в буфете, созерцал её в вихре влюблённости, и как болезненно вылетел из своего состояния из-за её нажатия.

В результате, Черепаха-Скелет, без того уже бешеная и опасная, в момент сирены взбесилась вдове сильнее, и к сожалению, выбрала себе в мишень Вову, который теперь вместе с Борисом, расслышав себе на удивление имя виновницы этой ложной тревоги, еле-еле пробрался в кабинет медпункта.

– Юлия, зачем? – проговаривал под нос Борис, помогая вместе с медсестрой усадить Вову на стул.

Женщина воткнула в нос Вовы салфеточку, и попросила Бориса посидеть с Вовой, и понеслась в коридор, где уже чуть успокоилась атмосфера, а буфетчица уже смывала пол от капель крови.

Стало спокойней в медпункте, Борис облокотился на стенку, выдохнул, сняв очки, протерев глаза и надев их обратно, и уставился на окно, и глазам стало чуть приятней от лёгкого и спокойного покачивания светло-зелёной листвы за стеклом. Но лоб Бориса напрягся, и Вова, державший голову высоко, откинувшись на спинку стула с закрытыми глазами, ясно почувствовал, как помещение наполнилось напряжёнными размышлениями Бориса. В этот момент осторожно постучалась и вошла Ксюша Петрова, удивлёнными глазками посмотрев сначала на Вову, потом на Бориса. В руке она держала помятый листок бумаги, – это был рисунок Вовы, который она подобрала недалеко от буфета.

– Эээ ... я это, вообще подобрала, – замялась Ксюша, не зная куда деть листок. – короче, Вов, у тебя упало это, когда Черепаха ударила ...

– Дай, Ксюш. – протянул руку Борис. – он сейчас говорить не может.

– Это Юлия запустила ложную тревогу. – сказала Ксюша.

– Да, знаем. – ответил Борис. – позови медсестру, Ксюш, побыстрее, куда она там делась?

– Хорошо-хорошо.

Тихо Борис прикрыл дверь за Ксюшей, и чуть обессиленно выдохнув, сполз спиной по стене, после чего медленно поднёс помятый листок к самым очкам. Он внимательно вгляделся в рисунок. В следующий миг его брови медленно приподнялись вверх с тихим изумлением на лице, и губы тронула лёгкая, удивлённая и приятная улыбка.

- Вов, как ... Красиво. Это кто? – произнёс он и тут же добавил, вспомнив о разбитой губе: - ой не отвечай, извини.

Но ответ последовал: несмотря на боль, Вова заставил себя размокнуть губы и невнятно, но упрямо произнести:

- Это Юлия.

Борис не расслышал, однако бархатный, надломленный голос Вовы хлестнул по нервам так, что на лице Бориса отразилась тревога, и тогда он шагнул ближе, наклонился, сияясь прочесть что-то по выражению лица друга, и переспросил:

-Что? Вов, я не ...

- Это Юли-и-и-я! - чуть громче произнёс Вова, чувственно и со скрежетом, и словно выдавив звук из самого сердца.

В этот момент по спине Бориса медленно пробежал колючий мороз, встопорщив волоски на затылке, и его взгляд, до предела сосредоточенный, также медленно заledenел. Пока он осознавал сказанное, наступила такая тишина, что шуршание листы за окном внезапно стало таким резким, что почти физически укололо его слух. Борис опустил глаза на рисунок, и снова посмотрел на те чувственно выведенные сердечки над изящными чертами лица. Борис не стал ничего переспрашивать, - светло-зелёная листва за окном, которая будто шуршала у самого уха, моментально сообщила в ухо правду – «Вова больше не видит в Юлии никакого Скелета, и он влюблён в неё». И теперь, от неожиданного, шокового осознания того, что Вова влюбился в Скелета-Юлию и видит теперь её абсолютно как живую, Бориса целую минуту продолжало пробивать лёгкой дрожью, хотя внешне он оставался похож на каменное изваяние с листком бумаги в руке.

- Борь, - наконец тяжело прошептал Вова, не выдержав этого молчания и напряжения между ними, - найди её ... найди Юлию пожалуйста. И ... и узнай, почему нажала на кнопку эту пожарную ...

Но Борис, тяжело взяв себя в руки в этом тихом шоке, наклонился к разбитой губе так близко, что Вова начал ощущать дыхание друга, и тогда сказал: - Для меня она живая. У неё есть душа. И я не просто в это верю, я это знаю. Но Вов, она ... она Скелет. Ты понимаешь? Ты влюбился в ...

- Она не Скелет. – последовал ответ, и тихое повторение: – Не Скелет!

Борис снова опустил лицо, голова у него начала кружиться, и он начал было думать о том, чтобы присесть, но в этот момент вернулась медсестра, и вся взбодороженная.

- Скелеты убегают из школы, всё! – громко заявила она, как-то судорожно подойдя к Вове, вынув салфетку из носа и заменив на новую.

- Как убегают? – не понял Борис.

- А вот так. – быстро ответила женщина. – Они и друг с другом уже не разговаривают, в разные стороны пошли. Убежали и всё. Только Юлия там кажется ещё торчит возле двора ... кажется Гусева пытается уговорить её не бежать.

Борис вздрогнул, тут же выпрямился и срочно спросил: - Юлия там ещё?

- Да не знаю, может быть.

И тут же Борис ни теряя ни секунды выбежал из медпункта и метнулся в сторону выхода.

Очень неприятный пасмурный свет ударил в лицо, когда Борис выбежал во двор и тревожно огляделся, в этот момент проклиная своё паршивое зрение и свои очки. Несколько смиренных подростковых лиц в каком-то тихом шоке прошли мимо, и среди них был Таркан, который грустно проговорил: - они уходят.

Тут же Борис почувствовал, как рядом прошла стройная, но вся сломленная фигура Екатерины Гусевой. Борис продолжал оглядываться в этой серой атмосфере, ощущая, что только что ворвался туда, где всё закончилось, - поезд ушёл. Потом, неподалёку, за деревом, - у которого он некогда, нацепив на себя синий галстук, пытался поговорить с Юлией, - вдруг заметил чёрную металлическую ногу. Нога мелькнула быстро и скрылась, и Борис кожей почувствовал, что это был Скелет-Дмитрий. Тут же глаза поймали, уже совсем далеко, фигуру Скелета-Георгия, куда-то убегающую. Похоже, Скелеты и вправду стали одиночками. А затем, где-то ещё дальше, у жилого дома, Борис заметил медленно отдаляющуюся фигуру Юлии, - издаleка показалось, будто её чёрные плечики и коленки постепенно растворяются в пасмурном свете, направляясь в огромный город; и как же это напоминало то, как Юлия ходила по Москве, затерявшись по пути в зоопарк. Только теперь она не дрожала, и была чёрная, с дырами в костях, а это значит, прохожих ждали потрясения по хуже.

Борис тут же ринулся к ней, но не стал окликать её, чтобы та вдруг не стала убегать. Однако, вскоре Юлия услышала его дыхание за спиной, медленно обернулась, и тогда Борис остановился, хватая ртом сырой, известковый воздух, пытаясь отдышаться. Юлия стояла абсолютно пустая, и её чёрные глазницы будто холодно излучали на Бориса – «ты кто? Зачем за мной бежишь?».

- Юль ...- упёрся Борис ладонями в колени, - ты ... ты куда?

Но Юлия лишь смотрела и молчала, абсолютно неподвижно, скрестив свои обугленные руки, и холодом веяло из каждой дырки на её костях. Теперь, почва под ногами Бориса казалась склизкой, и почти незаметно, по сантиметру, его ноги скользили вперёд, словно боялись, что Юлия сейчас исчезнет. Но ещё больше боялись глаза Бориса, - ведь чем внимательнее они рассматривали чёрные глазницы, тем больше не находили там Юлии.

- Юль что происходит? Зачем пожарную кнопку нажала? – продолжал Борис и чуть кашлял.

Но молчала Юлия также, как и серая, глухая и облупившаяся стена жилого дома у неё за спиной; её пустые глазницы лишь безучастно фиксировали каждое движение Бориса, и тогда конечности Бориса сковал ледяной озноб, - он ясно почувствовал, как глазницы Юлии сканируют его тяжёлые и неуклюжие движения лишь для того, чтобы ещё раз ясно осознать, насколько она отличается от живого существа, насколько понятие «человек» несовместимо с ней.

Ноги Бориса не пошли дальше, они остановились и онемели ровно на границе тех самых пяти метров. Они остановились, потому что шли к Юлии, а её не оказалось. И лицо Бориса так исказилось от глухого отчаяния, что это можно было почувствовать и за километр; и в этот миг, когда небо стало слишком тяжёлым и беспросветным, он словно потерял не только Юлию, но и всё, во что верил, и чувство это парализовало его тело так, что он ощутил себя каким-то безвольным, отчаявшимся манекеном.

- Юль, Вова ... Вова ... – последние слова попытался вытолкнуть из горла Борис, но они замёрзли на губах, - слишком холодным был череп перед ним, который, прежде хрупкий, мог подрагивать, а теперь выглядел как сталь, и Борис не смог сказать того главного, что возможно бы остановило Юлию.

Тогда, чёрная металлическая фигура медленно, без единого звука развернулась и окончательно растворилась в туманной сырости переулка, а Борис остался стоять один, провожая её своим отчаянным взглядом среди этого безжизненного бетона.

Кирилл надеялся на то, что Скелеты вернутся к ночи. После того, как Козловский тяжело и кратко произнёс в трубку – «Они ушли», - Кирилл тихо вышел из здания научно-исследовательского института, сел в машину и смотрел вокруг, чуть ли не гипнотизируя взглядом дорогу, переулок, каждого прохожего, горизонт. И всю ночь, глуша одну чашку кофе за другой, он

сидел и ждал, не переставая вглядываться в каждый угол поблизости, в любое движение в темноте, ловя каждый шорох и каждое внезапное дуновение ветра, словно это были перешёптывания возвращающихся Скелетов. В какой-то момент он сильно вздрогнул, когда на часах было уже три ночи, - он схватился за лоб, разглядев чёрную кошку, пробежавшую перед машиной; кошка промелькнула перед капотом, бросив свои сверкающие глаза прямо на Кирилла так, что ему показалось, будто это были глазницы Скелета-Юлии, разыскивающие его; в этот момент кошка ступала мягко, едва касаясь асфальта подушечками лап, и эти лапы будто на секундочку превратились в чёрные металлические ножки. И Кирилл чуть трагично высмеял себя, - «как эта чёрная кошка так увеличилась вдруг в его глазах?».

А уже ближе к рассвету, Кирилл всё продолжал сидеть, с силой удерживая глаза приоткрытыми, и эти глаза -глубоко трагичные, но решительные, - готовились к тому, чтобы разыскать их: своих Скелетов, своих израненных детей; это ясно отражалось в этих полуоткрытых глазах, устремлённых на горизонт и ловящих то, как над московскими многоэтажками начинал мягко прорываться первый сумрачный свет.

Сегодняшним сумрачным утром в глухих московских переулках можно было столкнуться с чем-то страшным, - с обугленным металлическим Скелетом, покрытым жуткими пробоинами. В одном из таких переулков, мужчина средних лет, только просыпаясь на ходу и зевая, и держа за ручку такую же сонную дочь, лениво шагал с ней в сторону детского сада, не подозревая о том, что на повороте, за углом, его встретит чёрный обугленный череп Скелета-Дмитрия. Казалось, непроглядное и слишком серое утро уже пыталось намекнуть мужчине, чтобы тот чуть внимательнее смотрел по сторонам, но тот шёл на своём привычном автопилоте. Тогда, за углом, в последний момент, когда он лениво чуть приподнял веки, из предрасветной мглы перед его сонными глазами вдруг вырос жуткий чёрный оскаленный череп, будто явился демон. Мужчину ударило током, и дочка закричала – «папаааа это кто?». Матерные слова судорожно посыпались изо рта мужчины, он закрыл дочку спиной, пока пустые глазницы, как мужчине показалось, стояли и принимали решение – «что с ним делать?». Здания вокруг будто также задержали дыхание, как и мужчина, видя то, как чёрное изваяние застыло перед беззащитными папой с ребёнком, и как чёрные глазницы монстра замерли над ними, словно решая их судьбу. Но Скелет-Дмитрий стоял, пропуская через себя и транслируя в сумрак лишь ощущение собственной омерзительности, остро и до боли убеждаясь в том, насколько он чужеродный и лишний объект на этой улице.

В то же время едва ли не на другом конце Москвы, стоял у заброшенного, грязного и почему-то полуразрушенного «Жигулёнка» Скелет-Георгий. Но стоял он в потрёпанной одежде, в пыльных брюках и тёмно-коричневой толстовке, которые он минувшей ночью безжалостно забрал у старого бродяги-бомжа, когда тот валялся у этого самого жигули. Ночью, худой, ничего не соображающий, полу-сумашедший пьяный старик, наигравшись с такими же доходягами в домино, возвращался со своей бутылкой водки к своему грязному кузову, - к своему «дому», - по пути хрипло причитая: «нет, нет, не уходи родная, останься дорогая!». Это он обращался к бутылке водки, которая была для него верной женой, и ему показалось, что чуть дрогнув в его кулаке, она решила куда-то уйти, видимо найти себе другого мужа ...

Так мило уговорив остаться свою ручную жену, он доковылял до своего ржавого пристанища, упал и тяжело привалился к перекошенной дверце, и придался со своей женой-посудиной любви, чтобы опустошить её до последней капли. Вокруг освещало только стоящим недалеко тусклым фонарём. И тогда, из-за угла, в полосу этого грязно-жёлтого сияния, бесшумно возник чёрный силуэт, который начал приближаться к старику в грязной толстовке; видимо старик разыскал эту старую спортивную кофту с капюшоном где-то на помойке. Приближающиеся чёрные глазницы Скелета-Георгия так и жадно смотрели на эту толстовку, ведь можно было скрыть ею свой чёрный дырявый металл, а капюшон как раз прикрыл бы его ужас-

ный череп. Старик не чувствовал приближающихся шагов, его объятие вокруг пустой бутылки ослабло, глаза закрылись, и он мало-помалу храпел. Но когда уже в полуметре от него остановились чёрные металлические ноги, тихий лязг всё же долетел до уха, и старик заморгал. Он инстинктивно и со страхом открыл глаза, ожидая увидеть местных хулиганов – те частенько гоняли его отсюда, порой с издевательским смехом и пинками. И рот бродяги привычно, вместе с кашлем, выплюнул фразу: – Чё припёрлись опять?! Не уйду я!

Но не раздалось ни звука в ответ, и тогда, удивлённый этой тишиной, старик чуть скосил глаза вбок и вниз. Зрачки его расширились, выхватив странные чёрные опоры вместо ног.

- О, негры, что ли, завелись... – рявкнул он, но потом, прищурившись и всмотревшись повнимательнее, осёкся, и тогда его и без того туповатое лицо отупело окончательно.

Медленно кривой взгляд с кривым ртом пополз вверх, к самому черепу, и тогда старика затрясло так, что загрохотал ржавый кузов за его спиной.

- Я вас провожу в ад. – произнёс Скелет-Георгий, улыбаясь своим черепом и будто наслаждаясь судорожными движениями старика, который стал отползать изо всех сил.

Металлические руки схватили старика за толстовку, и очень спокойно прозвучал голос: - Нет, в аду эти шмотки лишние.

И на этом Скелет начал сдирать с него всю одежду, пока старик не остался в одном исподнем, и только тогда металлические руки отпустили его, и тот убрался прочь с матерным рёвом, точь-в-точь как дворовый кот, на которого только что брызнули ледяной воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.